

ТУ-184

Повесть

12+

Александр Ненашев

Александр Ненашев

ТУ-184

«Автор»

2005

Ненашев А. В.

ТУ-184 / А. В. Ненашев — «Автор», 2005

История, рассказанная от лица человека, оставшегося в живых после глобальной войны, единственного выжившего в своем городке. Однажды пролился долгожданный дождь, и в порыве нахлынувших чувств герой этой истории решает впервые за долгое время покинуть свой дом и отправиться на поиски других выживших.

© Ненашев А. В., 2005

© Автор, 2005

Александр Ненашев

ТУ-184

ТУ-184

Посвящается не самолету, а тем, кто мог бы его создать.

Проснулся я, подскочил сразу, и долго не мог понять, что за шелест появился среди ночи. Одно я почувствовал точно: из окна тянуло свежестью и прохладой. На кухне капало с потолка, а казалось, будто это прыгает со стола или с подоконника на пол кошка, много – много раз подряд. Откуда мне было знать, что крыша протекает, если дождя уже восемь месяцев не было. Я обязательно поднимусь днем наверх, когда встанет солнце, и все проверю. Но думаю, если капает со второго этажа, значит на третьем тоже лужа, и скорей всего, придется лезть вообще на крышу.

1

Я из каждого окна, из каждой комнаты высовывался на улицу, подставляя лицо и ладони под струи воды – прохладной, чистой и совсем не такой, что пугали нас по радио, пока оно еще работало. Ничего этот дождь не разъедает, он такой же точно, как всегда раньше: пару или пять лет назад.

На улице, как обычно в безлунную ночь, было темно. Ливень шлепал по земле, и казалось, что вокруг много людей, как раньше на базаре. Кругом все деловито шумело, будто шла серьезная работа. И так спокойно стало на душе, что я перенес матрас с подушкой к распахнутому настежь окну, и снова лег спать. Был я мокрый, но довольный, потому что набегался под дождем, надурачился, повыл и полаял от души, зная, что никто меня не услышит. Я давно живу один. Я вообще один. Испачкал туфли, но сам остался чистый. Скинул мокрую одежду, вытерся полотенцем, вернее только голову вытер, и улегся на матрас у окна.

Я лежал без сна, наверно, минут двадцать, потом уснул с чувством радости, что избавлюсь от пары туфель раньше, чем они износятся или порвутся. Они из отличной кожи и носятся сезона четыре. Но это так долго.

У меня ведь сотни, тысячи пар, как представлю, на сколько лет мне их может хватить, так начинаю стонать. Конечно, я могу помыть туфли и одеть их снова, как ни в чем не бывало. Но лучше будет, если я начну завтрашний день с покупки новых и выбрасывания старых. Магазин недалеко, мешки с деньгами в соседней квартире. Жаль только, что ни одного человека я завтра не увижу ни в магазине, ни по дороге к нему.

Нежась в прохладе, я проспал до двенадцати, хотя обычно встаю с солнцем. Раньше я совсем почти не спал, главным образом, от страха. Тот дикий страх помаленьку притупился и осел на дно воспоминаний, не на самое дно, но очень глубоко. Конечно, я пришел в себя. А насовсем страх тот не уйдет, наверно, никогда. Дикая ужас, порой совсем невыносимый. Я падал на пол, на землю, повсюду, где заставляли меня вспышки и грохот. В грязь падал, в кусты, только бы не видеть гигантские безобразные грибы на клубящихся пепельных ножках, поднимающиеся в небо.

Я закрывал глаза, сжимался всем телом. Я сворачивался в калач, и мне везло снова и снова. Это потому, что каждый раз я боялся по-настоящему. По-моему, я совершал чудеса маскировки, поджимая под себя ноги, потому-то меня ни разу не зацепило осколком. Хотя ребята и прозвали меня Бомбовоз, а потом даже ТУ – 184 из-за большого тела, я, кажется, справился с маскировкой отлично. Только однажды, когда после взрыва бомбы, я думаю, простой бомбы – не атомной, когда рухнула крыша дома в соседнем районе, куда мы ходили за продуктами с тетей Светой, мне придавило ногу куском спекшихся кирпичей. Я целый месяц хромал после этого.

Я проснулся в полдень с легкостью в голове и теле, конечно, прохладная свежесть ночью была мне на пользу. И, похоже, не только для меня. Невероятное зрелище открылось мне, когда вышел я из подъезда. Прямо на глазах земля покрывалась зеленью. Яркая свежая трава, наливающиеся силой бутоны одуванчиков и каких-то других цветов, листья на деревьях – все росло с поразительной скоростью. Зелень была и до дождя, но то была больная зелень, замученная. Когда прекратились взрывы, стоял май. Все лето солнце пекло со страшной силой и стояла жуткая жара. Осенью на деревьях листья пожелтели, потом, сжавшись, облетели, но сразу появились новые. Лезли они пучками, отовсюду. Кора лопалась, и оттуда лезли листья, отчего деревья изменились до неузнаваемости.

Ни в октябре, ни в ноябре не было ни одного дождя. Сейчас конец декабря, дождь наконец-то прошел.

Листва на деревьях, трава – все бросилось в рост. Но не все оказалось по-прежнему после тех катаклизмов человеческих. Одуванчики, например, никогда раньше не были красными и усов, как у гороха, они не выпускали. Кленовый лист никогда не был так похож на лапу папоротника. У множества растений остались только намеки на их былой вид.

Дождь, к великому удовольствию, нарушил мой привычный распорядок дня. Он не унялся до полудня, он шел и в час, и в два. Я преспокойно спустился в подвал, достал из льда четыре банки тушенки. Запасы у меня огромные и банок консервных, и газовых баллонов.

Мы раньше постоянно спорили с Читой, может ли тушенка когда-нибудь надоесть. Я ем ее уже почти год, и не надоедает. Жаль, что Чита погибла, когда взорвался ее дом. Я с радостью позволил бы выиграть спор ей, если бы она была жива.

Хотя, может, тушенка не надоедает, оттого, что я чередую ее с рыбными консервами и мясными кашами.

Она, как и я, не были похожи на других, мы даже внешне от всех отличались. А друг на друга походили. Над нами всегда смеялись. Когда наши сверстники подросли и смеяться перестали, на их место подросли новые ребята на три, на четыре года младше нас. И история опять повторялась.

Сначала меня прозвали «Бочка» или «Бомбовоз», но потом прилипло ко мне прозвище «ТУ -184». Кстати я никогда не слышал о таком самолете. А вообще прозвище сначала было другим. Меня называли просто «ТУ – ТУ». Эй – Тугу, э-ге-гей – Тугу. Это значило, как – будто у меня не все дома.

Больше всех досаждал мне Витя Гончаренко, его звали «Гончар». Не он придумал мне мое прозвище, но оно ему очень нравилось, и от Гончара не было прохода. Он как – будто следил за мной, поджидал и когда встречал, так всегда просил: «ТУ – ТУ, прокати меня немного». Не дожидаясь ответа, он прыгал мне на спину, больно перехватывая рукой мою шею.

Но однажды я отучил его от этой затеи. Он как обычно запрыгнул мне на спину, а я как будто повез его на себе, но на самом деле донес до стены дома, развернулся и упал спиной вперед на стену. На спине висел Гончар, и я его хорошо припечатал к кирпичам...

По-моему, он даже ударился затылком, ну, это он сполна заслужил. Гончар был вдвое легче меня, но руки и ноги его были очень цепкими. Я как-то раз видел, что он выделявал, повиснув на турнике. О, это невероятно, почти такие же точно фигуры выделявали по телевизору настоящие спортсмены. Гончар только что кувырков через голову не делал, спрыгивая на землю.

Он был очень цепкий, и когда я оттолкнулся от стены, он все еще висел у меня на спине. Он ругался, и горло мне передавил, наверно, до самых костей. Тогда я упал на асфальт, конечно спиной вниз и опять на него, тут он и приутих. И никогда больше не делал своих дурацких наскоков. Обзывался только сильнее прежнего, приговаривая: «Я прибью тебя, ТУ – ТУ, вот увидишь».

Не знаю, все ли у меня были дома или нет, но как-то утром, когда я вышел покормить курочек, увидел Гончара, уснувшего под кленовым кустом рядом с нашим подъездом. Он уснул пьяный, видимо не смог добраться до своего дома, хотя жил он рядом.

Может, споткнулся и упал, может, просто так лег, захотел и лег. В общем, ночью его стошнило, и тем ранним утром я нашел его лежащим в этом самом, чем его стошнило.

Наконец – то без четверти два дождь пошел на убыль, и, не дожидаясь, когда он перестанет совсем, я отправился в магазин. Квартиру я запер на ключ, так надо, так хочет мое внутреннее тело, то, которое думает и чувствует. Дело совсем не в собаках, мне действительно так легче дышится, так хоть какой-то уют в душе, хоть какой-то мир и порядок.

Воров я не боюсь, да их и нет, мне ничего не жалко. Что у меня брать, да то, что можно найти в любой квартире, в любом уцелевшем после взрывов и урагана доме. И домов таких тьма-тьмушая.

Я не знаю, почему никого не осталось. Дело ясное, была война, потом странное слово – импульс, потом еще что-то пострашнее, о чем никто уже не знал, и сказать не мог; телевидение и радио отключили, остались только бедные страдающие калеки, которых ничего кроме их боли уже не волновало.

Я страшился выходить на улицу первые три месяца, но потом привык. Боялся мертвых. Они лежали повсюду – всех возрастов, мужчины и женщины, незнакомые, знакомые, даже соседи. Помню много чего, но очень ярко помню последние дни, когда люди лежали на улицах и слышались их стоны и крики. Всего пару недель спустя все затихло.

Жара бесконечных засушливых месяцев спалила воспоминания о прошлой жизни, но мне удается мысленно возвращаться в то время, когда я хоть что-то мог сделать для людей. Аптеки все распахнули двери, какое-то время по ним шуровали воры, но их очень скоро не стало. Бинты, вата, мази – я все выгребал щедро, с увлечением, лишь бы помочь раненым. Иногда сами больные подсказывали, какие им нужны лекарства, давали пустые коробочки из-под пузырьков, и я искал в аптеке точно такие же.

Так был счастлив, что могу принести гору нужных лекарств, шутка ли, когда все лежит пластом, я один на ногах. Меня только попроси, и я мигом принесу все, что нужно. Жаль только, что моя добыча людям не очень-то помогала. Каждый новый день готовил мне встречу с затихшими на веки телами. А через две недели мне уже некого стало навещать.

Улица та же самая, но такая безмолвная. Я давно к ней привык – такой тихой. Стоят дома, краска на окнах почти еще и не облупилась, но во всем сквозит запустение и неухоженность.

Никого нет, люди исчезли. На земле еще попадаются останки тел, но ни одного живого.

В свое время сильно поработали собаки и птицы. В прочем не везде одинаково усердно, некоторые районы им чем-то не понравились и останков там и сейчас много.

Собаки, кошки, птицы – прежние наши братья меньшие меняются на глазах, сильно искажается их вид. Плодятся невероятно быстро. Потомство их очень разнообразно, в одном помете бывают и почти нормальные животные, и абсолютные уродцы. Мрут они, перерождаются, очень быстро. Чего уже не скажешь о людях. О них нечего больше сказать. Они все ушли и все оставили – то ли мне, то ли просто так. Осталось очень много, почти везде и почти все.

Не осталось электричества и воды в трубах, если когда-нибудь ударят морозы, отопление никто не включит.

Готовлю себе на газовой плите. Я нашел склад газовых баллонов. Служба газа, там было полно пустых баллонов, но и немало полных. Склад сильно пострадал от урагана, и солнце теперь легко пробивается сквозь разломы в хранилище. Вот потому я одним расчудесным днем перевез полсотни баллонов по разным темным подвалам. И вряд ли кто-нибудь меня в чем-то бы упрекнул, подвалы я подбирал подальше и от главного склада, и от своего дома, чтобы не было большого бабаха. Перевез на старой телеге. Я вошел в азарт от работы и раскатывал туда-

сюда без устали. Но потом все же спросил себя: «Леша, может, уже и хватит?». По инерции все-таки перевез еще пять баллонов. В мирное время ничего такого я себе не позволял, наоборот даже, я свое был готов отдать, только попроси. Конечно, я – вор, но кто теперь меня осудит.

Теперь все иначе: то, что я взял у других, в чужих квартирах – помогает мне жить. И живу я праведно, никого не обижаю и не обманываю.

Меня радует моя коллекция нужных вещей, она помогает верить в лучшее, хорошее и доброе.

Я набрал по квартирам, но больше по библиотекам сотни книг и журналов на разные темы: о животных, о природе, смешные журналы. Восемнадцатую квартиру в своем подъезде я отвел под библиотеку. Туда же я натаскан гору видеокассет и один самый блестящий видеомагнитофон. Телевизор японский в той квартире был и раньше.

Конечно, тока нет, но как приятно иметь под боком, держать в руках, переключать с места на место замечательные киноистории. У меня есть и боевики, и мультики, и фантастика. Есть все, кроме тока в розетке. Но меня ничуть это не тяготит. Мне достаточно подержать в руках кассету, и тщательно прочесть все надписи на коробке, рассмотреть фотографии героев. Я заметил, что могу очень долго всматриваться в каждое фото, представляя, как этот кадр мог бы ожить, и что последовало бы дальше.

Три тысячи двести пятьдесят восемь штук, вот, сколько их у меня и все разные.

Какое-то время после того, как все умерли, но до того, как прошел тот невероятный ураган, я слушал магнитофон. Набрал кучу батареек и наслаждался музыкой. Только музыка и держала меня в то время наплаву. Много кассет я переслушал, и десятки батареек выработал. Батареек и кассет осталось еще немало в запасе, даже не распечатанных, но к тому времени я охладел к музыке. Я почувствовал вдруг, что хочу тишины. Слышать только завывание ветра, шелест листьев на деревьях, голоса птиц, стрекотание насекомых.

Как-то через неделю я включил, было, магнитофон снова, вечером, после трудового дня, но не выдержал и десяти минут. Музыка показалась мне совершенно выдохшейся, ничего не обещающей и ни на что не вдохновляющей.

С тех пор, если мне хотелось музыки, я напевал сам – на разные голоса, тихо или громко, как хотел и сколько хотел, но в основном почему-то тихо, вроде как, чтобы никто не услышал.

Меня, наверно, правильно прозвали когда-то ТУ – ТУ, я, бывает, унесусь мысленно далеко-далеко и забываю, где я и чем занимался только что. Такой я по-прежнему. Я ведь отправился в магазин за покупками по случаю выхода из строя туфлей, а сам сижу на диване и мечтаю. Конечно, все дело в дожде.

Ох, как гроыхало в небе! И не одну ночь. Я сначала с ужасом решил, что снова рвутся бомбы и вспарывают взрывами землю ракеты. Но на третью ночь увидел вспышки небесные по всему небосклону на западе и были они очень похожи на те, что всегда раньше предвещали крепкую летнюю грозу. Небо озарялось очень, похоже, но и немного иначе; так, как мерцает неоновая лампа не в состоянии загореться, так же, примерно, как бьется, шлепая крыльями по стеклу, мотылек. Придавлено, приглушенно – сначала и все звонче потом. Я к радости великой своей понял, что не взрывы это, а пусть и больные, не здоровые пока, но все равно предвестники обыкновенной грозы или может быть сильного ливня.

Я помню, как в невероятно жаркий день когда-то давно, еще до войны, я ушел далеко за город, в путешествие с рюкзаком. Зашел далеко, но уже возвращался. Фляжка опустела, я выпил всю воду по дороге.

Жара была невыносимая, я загорел весь, обливался потом, но дорога назад была еще долгой. И тогда я свернул к небольшому болотцу, из которого обычно пили воду коровы. По

колени зашел в ту лужу, а глубже в ней и не было, зашел и упал, как был – прямо в одежде; шлепнулся в воду и затих на долгое время.

Вода была не прохладная, а совсем даже теплая, но она меня расслабила. Вроде и было воды всего по колени, но когда лег, ее стало по шею.

Только все это произошло очень давно.

Гром гремел несколько ночей подряд, но дождь не приходил. Ночью все кажется намного звонче. Гром гремит и появляется чувство, что есть некий порядок, какая-то беспредельная сила, которая вправе погрозить тебе, порычать или поругаться. Видишь воочию, что есть нечто, что может легко построить всех и вся, потому что оно безмерно сильнее.

Сегодня ночью и вчера вечером все было тихо, ни единого намека на ливень, не было намека даже на тучи. И все же дождь упал. Старые приметы больше не сбываются, и следует, видимо, запастись новыми.

Первая новая примета – хорошая: пройдет дождь и появится крепкая надежда, что все возвращается в прежнее русло, жизнь пробует налаживаться. И может стать такой, какой была раньше, я хочу сказать – наполненной людьми.

Давно, много дней и даже месяцев назад утро я начинал с того, что кормил курочек. У тети Клары из соседней квартиры, напротив нашей, был гараж. Вернее, гаражом он был раньше, когда дядя Сережа, муж тети Клары, был и живой и в силах еще водить мотоцикл, то есть, ездил на нем по своим делам.

Когда дядя Сережа умер от какой-то болезни в легких, мотоцикл тетя Клава продала, а чуть позже завела в гараже курочек. Дядя Борис из соседнего дома заходил к Клавдии Никитичне, так полностью звали тетю Клаву, заходил к ней в гости, и как-то сделал пристройку к гаражу, такую надежную стальную клетку, чтобы курицы дышали без труда, а пацанва и пьянчуги до них не добрались. Клавдия Никитична отпирала замок, заходила в клетку и кормила птиц. Я часто выходил во двор посмотреть, как она это делает. Пару раз, когда она уезжала к сестре в деревню, куриц кормил я, в точности соблюдая все правила.

Я просыпался в семь и даже еще не умывшись, шел во двор. Если день начинался с птичьей кормежки, он проходил с восторгом, радостью ко всему и ко всем. Может все потому, что день я удлинял себе на пару – тройку часиков, а может, курочки заряжали меня своим задором и подвижностью. Я ходил без усталости целый день, переделывал уйму дел и оставался к вечеру по-прежнему бодрым.

Наш трехэтажный дом спрятался за пятиэтажками и отгородил нас от шумной людской толчеи и постоянного шума машин на главной улице. Мимо нашего двора по утрам, в обед и вечером проходили рабочие люди, но не через сам двор, а рядом, мимо, потому что двор был огорожен заборчиком, невысоким – всего в полметра высотой и не чугунным, а простым деревянным, из остроконечных выгоревших, серых от времени штакетов.

Вдоль заборчика бабушки – пенсионерки из первого и второго подъезда насадили цветов и поливали их прямо из окна шлангом. Цветы во дворе летом были всегда. Цветы стояли и в каждом окне во всем доме. Люди рабочие и простые прохожие, любясь окнами с цветами, нет-нет, а набирались смелости, чтобы постучать кому-нибудь в дверь с просьбой дать им какой-нибудь отводок. Бабушки иногда давали в обмен на пятак или десятник, иногда и не давали, оправдываясь, что сейчас не время, пока растение цветет его нельзя тревожить.

Общаясь с бабушками, я узнал, что такое курицы, как за ними ухаживать, узнал от них, что такое цветы. И, к сожалению, от них же узнал, что такое смерть. Не так их много-то и было, но они еще и умирали. В их квартирах селились или оставались жить их дети и внуки, но цветы не переводились. Дом у нас, может, какой-то особенный или место.

Однако война дом не пощадила. Не пострадало множество пятиэтажек вокруг, а наш дом на четверть разворотило взрывом. Счастье еще, что ракета была не из крупных. Разворотило заднюю часть дома со стороны первого подъезда, где были квартиры с первой по двенадцатую.

Тогда погибло семь наших соседей. Семь человек одновременно. Ракета была одна из первых вообще в войну в нашем городе, потому в доме и находились жильцы, это произошло ночью.

Теперь-то дом снова целый. Не такая ровная та его пострадавшая часть, но той раны больше нет. Я никогда не был каменщиком, но после того, как проделал гигантскую и смелую работу с газовыми баллонами, я почувствовал, что смогу снова сделать что-нибудь столь же грандиозное. И занялся строительством. Ходил на работу как простой нормальный работяга в соседний подъезд.

Зарплату мне давали книжками, посудой, деньгами, но больше всего мне нравилось брать журналы с картинками и фотографиями. Платили соседи из пятиэтажек, что стоят рядом с моим домом. Я просто выбирал какую-нибудь новую квартиру и шел туда после работы. Допоздна не задерживался, оставлял всегда пару часов светлого времени для домашних дел.

Когда и если желал, то оставался ночевать там, где была полочка. Спать ложился прямо в одежде, на диван или на кровать. С собой я всегда брал, на всякий случай пару лепешек и несколько банок тушенки.

Нож или открывалку консервную я не брал никогда. Мне всегда нравилось разгадывать загадки, искать на них ответ. Дело в том, что очень часто мне не удавалось найти в новой квартире нож: наверно, потому, что хозяйева, наспех собирая пожитки, в надежде эвакуироваться, забирали с собой ложки, вилки, ножи.

Но в квартирах оставались отвертки, стамески, гвозди, в конце концов, и я с удовольствием решал такие задачи перед ужином.

В одной квартире по улице 40 лет Октября нашел только молоток. Но вот ванная в той квартире была выложена кафелем. Я наколотил хороших крупных осколков, чтобы ими открыть консервные банки. Вот это было приключение!

Приключения в той квартире продолжились, когда нашлось множество старинных хрупких пластинок и патефон. В тот вечер я наконец-то снова обрадовался музыке. Я ее услышал даже сквозь треск и скрип.

Потом ко мне пришла невероятная мысль, а будет ли патефон играть пластинки современные с музыкой, которая мне нравилась намного больше, чем песни бабушек и дедушек. Я забыл про тушенку сразу, оставил нетронутой даже вскрытую банку со сгущенным молоком, крепко обхватил патефон и отправился за пластинками. Я-то знаю, где по – соседству самая лучшая коллекция пластинок. У Серегиных из семьдесят третьего дома на Танковой. У них и видеокассет было видимо невидимо.

Как же я ликовал, когда заведенный, на манер музыкальной шкатулки, патефон стал прокручивать почти совершенно чисто современные мелодии. Я выбрал с десятков самых лучших, на мой слух дисков, сложил их стопкой на крышке патефона и снова вернулся в квартиру с открытыми банками.

Я вернулся еще и, чтобы порадовать хозяев отличной музыкой.

В их неприятно пахнущем холодильнике с желтыми потеками из-под морозилки я нашел бутылку вина и водки и, прихватив бутылки с собой, расположился за журнальным столиком на диване.

Водку пить мне нельзя, от нее я становлюсь совсем глупым и злым. Поэтому ее я разлил по хозяйским рюмкам, а себе в фужер налил вино. Включил хорошую пластинку и поднял фужер.

– За нас с вами, – сказал я. Помолчал и добавил, – За все хорошее. Чтобы у всех было хорошее настроение. Здоровья вам.

Потом выпил свое вино. Оно мне очень понравилось. «Аромат любви», так оно называлось. Да и бутылка была видная из себя, высокая, а ближе к горлышку бутылка расширялась, образуя сердце. На этом сердце и этикетка была с рисунком сердца, каким рисовали его на открытках или на картах. Черви. Какое неприятное слово и непонятное название для масти. В той квартире я стал частым гостем, навещал ее хозяев раз в неделю в пятницу вечером и оставался с ночевкой. Рассказывал им новости и, конечно, заводил патефон.

И вот он я, снова замер, ушел в воспоминание, хотя дверь на замке и я давно могу двинуться в путь. А сам сижу у подъезда на пне и мечтаю. Конечно, все дело в дожде. Ладно, в путь!

Скамейку у подъезда я восстанавливать не стал, почему-то это причиняет боль – видеть широкую, длинную скамью возле дома. Пень – дело другое; пришел, передохнул и по делам.

Без дела я не расслаиваюсь, да я бы с тоски пропал. Хандрить мне нельзя никак, я ведь один, обо мне некому позаботиться. Вот, я себя и берегу, лелею, как раньше делала мама. От больших воспоминаний берегу себя в первую очередь.

Мама у меня внутри, она всегда со мной. Наблюдает, как я готовлю себе еду, как умываюсь по утрам. Конечно, она не сердится из-за того, что я не всегда умываюсь по утрам. За водой ходить приходится к реке, это почти километр, вот я и экономлю ее при случае. Но стараюсь держать себя в форме, звериное обличье мне ни к чему. Я даже бреюсь постоянно, благо недостатка в лезвиях не испытываю. Кстати сегодня в магазине и лезвий возьму.

Я тут понял кое-что про деньги, они – опасная штука, с ними так и хочется всего накопить; сколько бы их ни было, все равно в кошельке очень быстро ни копейки не остается. Вот и сейчас кроме туфель, лезвия придется купить, пакет, какой-нибудь обязательно.

За деньгами я хожу к соседке, в квартиру, что как раз над моей.

– Тетя Света, вы где, я за деньгами пришел.

У нее в квартире я устроил банк, здесь все мои сбережения.

– Я в магазин за покупками. Вам что-нибудь взять? Посуду? И журнальчиков? Газету с кроссвордами? Хорошо, я куплю.

Коробки здесь повсюду. Две комнаты и зал заставлены полностью. Коробки из-под телевизоров. В зале коробки с деньгами мятыми. Я набивал их, трамбуя, без особой вежливости. Вперемешку десятки, сотни, тысячи, всех мастей купюры. В спальне, что у тети Светы без окна, в темнушке, как она говорила, коробки с аккуратно упакованными пачками не русских денег, там доллары и евро. В комнате с окном, которое выходит во двор, стоят коробки с нашими деньгами, тоже аккуратно упакованными в пачки. Купюры тут все новенькие, свежие, они еще не потеряли запах краски.

– Теть Свет, я вам, давайте, еще пару горшков под цветы куплю. Ваши цветы уже нужно рассаживать; я знаю, как, вы ведь меня научили.

Пакет под деньги? Нет, столько брать с собой я не буду, зачем продавцов баловать, мне ведь жить и жить.

– Михаил Степаныч, – постучу ему в окно, как всегда. Он на первом жил. – Ну, как дождик? Вот! Все оживает. Вон и калина ваша, видите, что вытворяет? Ну и пусть ягод не было в этом году, они будут. Да ведь они и были, побило их только, когда разлеталась по двору крыша. Поломало деревце, но оно живое, выстояло жару, оно еще зацветет.

А я за обувкой в магазин собрался. Ну и пусть, что мои совсем еще новые, а может новые какие привезли.

Тетя Света, Михаил Степаныч, где вы, куда же вы все подевались? Как же тяжело – то одному, хоть кто-нибудь бы выжил со мной. Что я такое, кто такой, что оставлен вашим сторожем. Потому-то и разобрал я скамейку у подъезда своего. И засыпало то место песком, и трава на том месте выросла.

Они обязательно бы что-нибудь заказали, они всегда просили купить им то, да се, если мне вдруг по пути было. Я не говорил им, что мне всегда по пути. Я ведь специально выполнял поручения их, чтобы дома они посидели, не напрягались. У них-то дела серьезные, а я так, без дела слонялся. Вот и старался угодить нормальным людям. Меня и поминали всегда добрым словом, сходи. Алеша, за минералочкой или за соком. Не пойдешь ли ты сегодня через рынок, чайку бы и сигарет купил. А я рад стараться.

Меня и встречали всегда с миром, к столу приглашали, заботились. К Светлане Тарасовне я как-то вечером зашел, а у них праздник, как она за день перед этим обещала, когда я ей картошку и банки с солониной из гаража носил. За один раз все принести не смог, пришлось сходить в гараж еще два раза. Денег-то на автобус она только на один рейс дала.

Так вот, чтобы гости гамом и шумом своим не мешали мне ужинать, она усадила меня на кухне, картошечкой с луком накормила. Я ей помог еще нарезать рыбку копченую и колбасу. Она и мне отрезала немного колбаски, только ливерной.

Очень вкусно покушал. Я не сказал Светлане Тарасовне, что половину рыбы одной – копченой я не порезал гостям, вернее я порезал ее, но съел сам, очень аппетитно она пахла. Я и вина без спросу выпил, бутылки ведь тоже мне пришлось открывать. Я откупоривал их штопором и с каждой пробу снимал. Ну, тетя Света была уже слегка пьяненькая, да и выходила-то она из-за стола, где гости ее, были уже под мушкой. Потому, наверно, она и не замечала, что и от меня запахок идет.

С вином я очень уж не увлекался, гости есть гости, о них в первую очередь нужно заботиться. Все равно, свое я всегда получал, грех жаловаться. Да, глупый я, может, не ухватываю я многих наук, не понимаю секрета их, но с людьми я лажу, имею я вес в их глазах. Точнее сказать, имел.

Как же изменился, похорошел город. Вернулась отчасти к нему забытая уже прелесть вымытых улиц и мокрых домов.

Запах. Какой одуряющий запах сырой земли; запах прибитой водяными потоками пыли. Да, о войне осталась зловещая память, следы ее повсюду, но они примелькались и воспринимаются, как должное. Боль душевная истекла совершенно, вышла со временем почти без остатка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.